

Дом Актера. — 1993. — Спец. выпуск —

В. Давидов
О. Ефремов
А. Гаталов
Л. Толмачев
О. Горисов
Л. Дуров
Е. Броневой
У. Кваша
СОБРАНИЕ ПЕСТРЫХ ГЛАВ
С. Лизери
В. Гафт
Ф. Лазарев
А. Филозов
Г. Гордичкин
Е. Алентова
Е. Киндинов

В октябре 1993 года Школа-студия МХАТ им. Немировича-Данченко отпразднует свое пятидесятилетие. В издательстве «Культура» к этому событию готовится книга воспоминаний выпускников прославленной школы. Пользуясь случаем, мы поздравляем педагогов, работавших и работающих, выпускников, которые добились признания, славы, и тех, кто скромно несет крест нелегкого театрального труда в Москве и в провинции; студентов, которым предстоит, мы надеемся, подтвердить славу школы.

Отрывки из книги мы публикуем в нашей газете с надеждой, что те, кто прочтут эти «собрания пестрых глав», купят саму книгу. Воспоминания Веры Алентовой, Валентина Гафта, Альберта Филозова — наших замечательных актеров — написаны ими самими. Нам же, критикам, остается лишь позавидовать их разносторонним способностям, таланту как играть, так и повествовать.

ВАЛЕНТИН
ГАФТ

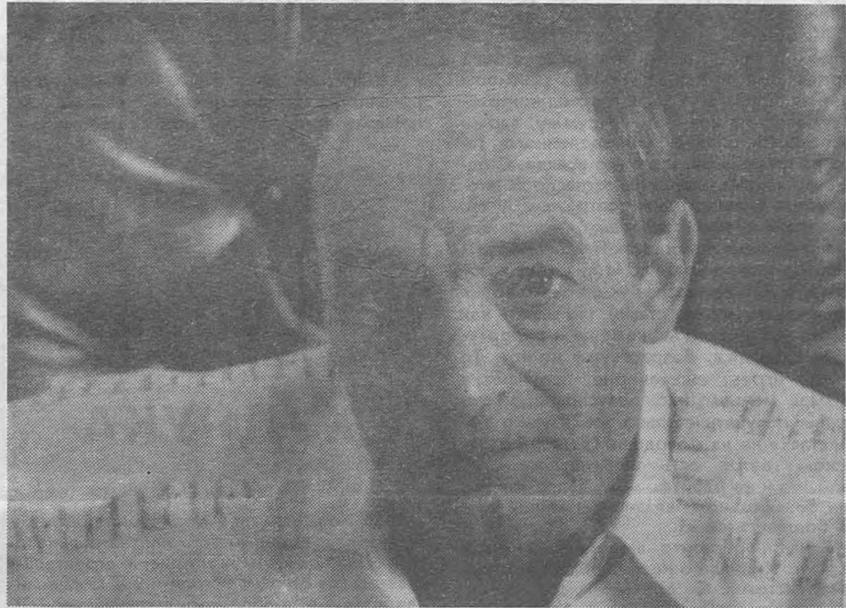
ВОЛШЕБНАЯ ДВЕРЬ

«Школа-студия МХАТ (ВУЗ) при МХАТ СССР им. Горького» — эта надпись была высечена на мраморном квадрате на доме в проезде Художественного театра, напротив кафе «Артистическое».

Я боялся даже взглянуть в сторону двери, из которой входили и выходили счастливицы, избранные, особые! Не дай Бог, кто-то подумает, заподозрит, что я осмелился даже подумать когда-нибудь попытаться даже войти туда. Рядом с досочкой, указывающей что здесь Школа-студия МХАТ, висела огромная надпись «Столовая», но я этого не замечал. А туда входили-выходили все. Кстати, столовая была очень качественная — там обедал почти весь МХАТ, ну, конечно, студенты. Когда меня приняли в студию, я видел, как едят и пьют великие мхатовцы. КРАСИВО! Всегда очень хотелось есть. Обедали, если не в столовой, то в кафе «Артистическое». Меню там было всегда одинаковое, но было уютно и вкусно.

В студии тогда учились Евстигнеев, Волчек, Козаков, Басилашвили, Дороница, Броневой, Зимин, Сергачев, Табаков, Менглет — все нынешние звезды. Помню Володю Высоцкого, он был на два курса младше. Коричневый твидовый пиджачок с искоркой, лицо в веснушках, нижняя челюсть чуть-чуть вперед... Сидит в «Артистическом», рядом гитара, чашечка кофе, рюмочка коньяка. «Просто мальчик! а сидит, как большой!» — думал я. Если бы знать, если бы знать?!

На нашем курсе учился Женя Урбанский. Он был чуть-чуть постарше, на пару лет, перешел из геологоразведочного института. Его прослушивали отдельно в кабинете у Вени. Вениа — это Вениамин Захарович Радомысленский, особый человек, тоже легенда. Умница, организатор, влюбленный в театр, в артистов, оратор! Говорил красиво, возвышенно. Его очень любили. Он по сути и сделал студию. Так вот. Женя Урбанский из семьи репрессированных, жил в Печоре, шахтер. Было ясно, что он индивидуальность особая. Какие фантастические данные: низкий красивый голос, фигура, лицо. Он был очень похож на Маяковского. Лучше, чем Женя, его никто не читал... Отчаянно,

мощно... и нежно, трагично до слез. На лекции марксизма-ленинизма Женя задавал преподавателю такие вопросы, о которых и подумать было страшно в те времена. Он был уже тогда «другим коммунистом».

О, наш курс! Как трудно было разобраться, кто кем станет?! Володя Паулус, Радик Новиков, Игорь Задерей, Толя Карпов, Толя Кириллов, Сюзанна Серова, Валя Левенталь, Галя Барышева, Ваня Кузнецов, Никита Никифоров, Олег Матагон, Олег Табаков худой, с кадыком. Шея, как у цыпленка, синие жилы, лицо бледное, почти бумажное, узкие плечики. В коверкотовом сером костюме. Всегда голодный, всегда вылизывал свои и чужие тарелки корочкой хлеба и буквально проглатывал все автоматически, только кадык бегал! Но самое интересное, что он и сейчас так ест, только медленно и со смаком.

Я с аппетитом ел у него на Трифоновской котлеты по пять копеек, которые мы жарили на керосинке. Табаков всех смешил. Однажды на экзамене по голосу, когда в аудитории сидела вся кафедра во главе с Топорковым, Табаков сделал следующее...

Объявили Вету Завгороднюю. Она полгода репетировала знаменитую «Ave Maria». Вета вышла. Тишина. Собирается. Нас учили собираться, собрать внимание. Пауза. Напряжение растет. Пауза затягивается. Переполненная Вета явно перебирает — чувств так много, что она не мо-

жет начать. И вдруг за ширмами Олежек Табаков во всю глотку «Аве-Ма-ри-я». Хохот. Топорков съезжает с кресла. Вета в отчаянии ревет. Но это был гениальный выход, потрясающее, неожиданное и очень точное решение ситуации — петь было больше нельзя.

Однажды на III курсе он так рассмешил меня, что чуть было не пришлось расстаться со студией. Репетировали «Деревья умирают стоя». Педагог — грандиозный артист Комиссаров Владимир Михайлович: «Что вы смеетесь на сцене в серьезном месте. Вы же артист!», — кричал на меня Комиссаров. Я не выдал товарища, но, захлебываясь от смеха, сказал: «Я на Вас, Александр Михайлович, без смеха смотреть не могу». Поступок мой разбирали. Олег ходил к Вете в кабинет, защищал меня. Оставили, не выгнали.

Наша студия МХАТ — это наша мать. Здесь начало новой жизни. Захожу сюда редко, но так иногда хочется это сделать. Пусть уже здесь другие люди, другие лица, другая жизнь. Лишь полвека спустя стал я понимать, чему учили нас великие мхатовцы. Поздно, но чтобы понять это, всем и всегда освоить, — жизни не хватит...

И так происходит с каждым, кто здесь учился и будет учиться. И все равно, спасибо тебе, родная моя студия, за все. Низко кланяюсь тебе у волшебных дверей твоих.